

Гамара М

КЛЕТКА ДЛЯ ДИКОЙ ПТИЦЫ

Он привык брать. Брать всё: деньги отца,
улыбки женщин, чужие судьбы.

Но она не продаётся. И не сдаётся.

Роман о любви который не помещается
не в клетку не в сердце.

18+

Тамара М

Клетка для дикой птицы

<https://litres.ru/74540603>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык брать. Брать всё: деньги отца, улыбки женщин, чужие судьбы. Фераз-бей — наследник империи, сын Стамбула, мальчик, выросший в золотой колыбели, где вместо колыбельных пели банкноты. Он не знает слова «нет». Он не знает слова «жди». Он знает только одно слово — «моё». И когда в его жизни появляется Элиф — девушка в поношенном пальто, с руками, пахнущими чаем и старыми книгами, — он решает, что она тоже будет его.

Но Элиф не продаётся. Ни за букеты из тысячи роз. Ни за «Феррари» у выхода из университета. Ни за место в библиотеке, которое он пытается купить, как покупают билет в кино. Она не сдаётся. Не гнётся. Не поёт в неволе. Она — дикая птица, которая разбивает клетку клювом. И клюв у неё острый — слово. Слово, которое режет больше ножа.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Тамара М

Клетка для дикой птицы

Глава 1

Стамбул в то утро не пах морем. Он пах амбициями — терпкими, как пережаренный кофе, и липкими, как сироп в стаканах с чаем. Университетский коридор, длинный и гулкий, как внутренности старого парохода, был пропитан запахом дешёвого кофе из автомата, дорогих духов и чужого нетерпения. Здесь сталкивались лбами два мира: те, кто приехал учиться на автобусе, и те, кого привозил личный водитель. Элиф принадлежала к первым. Фераз — ко вторым. И между ними лежала пропасть, которую не измерить ни в лирах, ни в километрах. Она бежала. Не шла, не спешила — бежала. Каблуки стареньких туфель стучали по каменному полу так, что эхо металось между колоннами и пугало голубей, сидевших на карнизах. Опоздать на лекцию профессора Кемалья по истории Османской империи было равносильно публичной казни. Кемаль не прощал ни секунды. Он говорил: «Империи рушились из-за опозданий на поле боя. Вы опоздали — вы уже проиграли». И ставил в журнал красную точку, которая жгла студенческие сердца, как клеймо. Элиф прижимала к груди потертую тетрадь — ту, что служила ей

три года, с загнутыми уголками и разводами от чая. В голове путались даты: тысяча четыреста пятьдесят три, тысяча пятьсот девятнадцать, тысяча шестьсот восемьдесят три — числа мелькали, как рыбы в мутной воде. В глазах стояла утренняя дымка Босфора, а в горле — комок от недосыпа. Она не спала всю ночь: готовилась к семинару и подрабатывала — расшивала бисером свадебное платье для дочки соседки. Пальцы до сих пор помнили холод бисера. Пальцы до сих пор пахли клеем и чужой мечтой. Она не видела ничего вокруг. Только дверь аудитории в конце коридора — тяжёлую, дубовую, с латунной ручкой, которая казалась ей вратами в спасение. А он стоял. Фераз-бей прислонился к стене так, словно стена была его собственностью. Он всегда стоял так — расслабленно, лениво, с видом человека, которому весь мир обязан уступить дорогу. В дорогом кашемировом пальто цвета мокрого асфальта, с бархатным воротником, поднятым так, чтобы скрыть подбородок и придать лицу загадочность. Он знал, что идёт ему. Он вообще многое знал о себе — и ни разу в жизни не усомнился. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем положено наследнику империи, падали на лоб, и он не убирал их. Привык, что это часть образа. Привык, что женщины смотрят. Привык, что мужчины завидуют. Привык быть в центре — даже когда ничего не делал. Особенно когда ничего не делал. В руке он держал стакан с кофе — не из автомата, конечно. Из кофейни через дорогу, где бариста знал его имя и его заказ наизусть. Латте

с двойной пенкой, без сахара, с щепоткой корицы. Он даже не пил его. Просто держал. Как аксессуар. Как реквизит. Как ещё одно доказательство того, что он — не они. Он смотрел в телефон. Точнее, делал вид, что смотрит. В экране отражалась его собственная улыбка — ленивая, уверенная, чуть насмешливая. Улыбка человека, которому не нужно никуда бежать. Никогда. Потому что за него бегут другие. И тут что-то ударилось в его грудь. Сильно. Неожиданно. Так, что кофе плеснул на пальто — тёмное пятно расплзлось по кашемиру, как кровь по бинту. Так, что стакан выскользнул и упал на пол, разлетевшись на осколки. Так, что воздух из его лёгких вышел одним резким выдохом. Элиф влетела в него, как стамбульский ветер в открытое окно. Как волна в скалу. Как судьба в того, кто не верит в судьбу. Тетрадь вырвалась из её рук. Листы разлетелись по полу — белые голуби, испуганные выстрелом. Конспекты, записи, закладки — всё смешалось с осколками стекла и кофейной лужицей. Она пошатнулась, схватилась за его плечо, чтобы не упасть, — и замерла. Под пальцами — дорогая ткань. Под ладонью — чужое тепло. Перед глазами — его лицо. Близко. Слишком близко. — Ты... — выдохнула она, отшатываясь. — Ты, — повторил он, и в его голосе не было ни боли, ни злости. Только удивление. Глубокое, как Босфор. — Ты вообще меня видела? Элиф подняла на него глаза. Тёмные, глубокие, цвета остывшего кофе. В них не было ни капли робости. Ни капли извинения. Только раздражение — острое, как лимон, и

такое же кислое.— Видела бы — обошла, — отрезала она и присела, собирая листы.Фераз опешил. Впервые в жизни кто-то говорил с ним так. Не извинялся. Не заискивал. Даже не смотрел с восхищением. Эта девушка в поношенном пальто — серо-бежевом, с одной пуговицей, которая держалась на честном слове, — смотрела на него как на помеху. Как на столб. Как на что-то, что нужно обойти.Он медленно выпрямился. Пятно на пальто расплзлось, но он не смотрел на него. Он смотрел на неё.— Я стою, где хочу, — сказал он, и голос его был ровным, как натянутая струна. — Это ты неслась, как сумасшедшая.— Я спешу на лекцию, — бросила она, не поднимая головы. Пальцы её дрожали — от злости или от недосыпа, она сама не знала. — В отличие от некоторых, у которых, видимо, весь день свободен. Или весь день занят собой.Она подняла последнюю тетрадь — ту самую, потертую, трёхлетнюю — и провела ладонью по странице. Кофе залил угол. Развод. Как клеймо.Фераз присел на корточки. Медленно, не отрывая от неё глаз. Теперь их лица были на одном уровне. Он видел её ресницы — длинные, тёмные, без туши. Видел прядь волос, выбившуюся из-под платка, — непослушную, как она сама. Видел, как она прикусывает губу, чтобы не сказать что-то ещё.— Ты знаешь, кто я? — спросил он тихо.Она наконец подняла голову. Посмотрела прямо. В упор. Без страха. Без вызова. Просто — как на равного. Или как на низшего.— Ты — Фераз-бей, — произнесла она, и его имя прозвучало в её устах как диагноз.

— Сын магната. Наследник империи. Привык, что все падают ниц при виде твоего кошелька. Я что-то пропустила? Он усмехнулся. Краем губ. Но глаза не смеялись. — Ты пропустила извинение. — За что? — она встала, прижимая тетрадь к груди, как щит. — За то, что ты стоял на дороге? Или за то, что мир не крутится вокруг тебя? — За то, что ты испортила пальто, — он тоже встал. Теперь он возвышался над ней — на полголовы, не больше. Но этого хватало, чтобы чувствовать превосходство. Он привык к этому чувству. Оно было удобным. Как старое кресло. — Пальто, — повторила она, и в её голосе зазвенела сталь. — Ты правда сейчас говоришь о пальто? Ты в курсе, что это стоит как моя годовая стипендия? Как три месяца жизни моей матери? Ты вообще знаешь, сколько людей в этом городе живут на эти деньги — целый год? Нет. Ты не знаешь. Ты знаешь только, сколько стоит твоя кофейня. Твой бариста. Твоя жизнь. Он замер. Слова ударили — не в лицо, а глубже. Куда-то под рёбра. Туда, где он никогда не копался. Туда, где было пусто. Или, может, слишком шумно — от чужих голосов, чужих ожиданий, чужих «ты должен». — Ты даже не извинилась, — сказал он тихо, и это прозвучало почти жалко. Он сам это услышал. И возненавидел себя за это. Элиф посмотрела на него. Долго. Так, что ему стало не по себе. Так, что ему захотелось отвести взгляд — впервые в жизни. — Хорошо, — сказала она наконец. — Извини. Он моргнул. — Что? — Извини, — повторила она, и в её голосе не было ни капли смирения.

Только холод. Только расчёт. Только что-то ещё — то, что он не мог назвать. — Я извинилась. Теперь ты доволен? Теперь можешь вернуться к своей кофейне, к своему бариста, к своей жизни. К своей клетке, которую ты называешь свободой. Она развернулась. Прямая спина. Тетрадь у груди. Шаг — твёрдый, уверенный. Она не бежала больше. Она шла. Как королева. Как изгнанница. Как женщина, которая знает, что её слова весят больше, чем его деньги. — Эй, — окликнул он. Она не обернулась. — Как тебя зовут? Пауза. Шаг. Ещё шаг. — Элиф, — бросила она через плечо. — Но тебе это не понадобится. — Почему? Она остановилась. Обернулась. В её глазах цвета крепкого чая не было ни капли робости. Ни капли любви. Только усталость. Только правда. — Потому что такие, как ты, никогда не запоминают имён, — сказала она. — Только ценники. И ушла. Только каблуки простучали по камню — раз, другой, третий — и стихли за поворотом. Только осколки стакана блестели на полу. Только пятно на пальто расплзлось, как чужое слово, которое не смыть. Фераз стоял. Не двигался. Не дышал. Внутри что-то трещало — медленно, мучительно, как лёд на Босфоре в феврале. Его броня — его эго, его уверенность, его «я всегда прав» — дала первую трещину. И в эту трещину просочился сквозняк. Холодный. Чужой. Живой. Он наклонился. Поднял с пола один листок — тот самый, что выпал из её тетради. Конспект. Аккуратный почерк. Даты. Стрелки. На полях — маленький рисунок: птица. Простая, нарисованная

карандашом. С раскрытыми крыльями. Летящая. Свободная. Он смотрел на этот рисунок долго. Дольше, чем смотрел на что-либо в последние годы. На свои часы. На свой телефон. На своё отражение. Потом сложил листок. Аккуратно. Вдвое. Вчетверо. И убрал в карман — туда, где лежал бумажник. Туда, где лежало всё, что он мог купить. — Элиф, — прошептал он, и её имя прозвучало в его устах странно. Как незнакомое слово. Как пароль. Как ключ. — Элиф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.